

Л. Н. Полторацкая,
рожд. Рюмина.
(Акварель Соколова).
Изъ собрания Е. Н. Погосова.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 69.

1 НОЯБРЯ 1916 Г.
Отд. № всадѣ—95 коп.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 69
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
С 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА

ЖУРНАЛ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

1 НОЯБРЯ 1916 ГОДА
ПЕТРОГРАДЪ

БЫЛОЙ МОСКОВСКИЙ УЮТЪ.

Типы барского московского старого жилья—это цѣлая усадьба, аъ большинства случаевъ выходящая на двѣ улицы.

О, эта предѣсть широкихъ дворовъ, отчасти заросшихъ травой, на которыхъ умикалось при дневныхъ и вечернихъ прѣсмыхъ несметное количество экипажей, а тамъ, за домомъ,

Тѣни расширялъ густая Огромный запущенный садъ, Приютъ звуученныхъ ариадъ.

О эти длинные заборы, за которыми точно скрывалась огражденная отъ взоровъ міра красивая жизнь семейнаго уюта, эти гордые лавы на каменныхъ воротахъ иногда лавы на подвалахъ и длинные фасады съ колонами и фронтонами, и выходящая вокругъ такъ же домовъ духъ стародавности, безыскусности и точности...

Видъ со стороны двора. Парадный подъѣздъ. Въ глубинѣ—садъ и флигель.

Московский особнякъ Рюминыхъ. (60-ые годы). Видъ со стороны Воздвиженки.

Мнѣ пришлось, послѣ дѣтства и юности, проведенныхъ въ Москвѣ, переселиться въ Петроградъ, и лѣтъ десять спустя послѣдить ту московскую гимназію, гдѣ я учился—по поводу ее гибели. Я былъ пораженъ величьемъ зданій и парадомъ помѣстей этого дома, привлекательнаго когда-то какой-то московской семьѣ и купечнаго у нея послѣ 1812 года. Какой духъ простора и благообразія былъ въ этой величественной лѣтнвицѣ, въ этомъ громадномъ автономномъ застѣ, въ приземистой—величавой, великогоду, великогоду гостиной, въ этихъ широкихъ коридорахъ и глубочайшихъ класскахъ.

Въ Москвѣ поражаетъ широту размахъ. Взять, напримеръ,

На той же Покровск громадный старинный домъ князя В. М. дына, на Мясницкой было Фурашевского переулка домъ-дворецъ бывшій Черкова, потомъ Обидиной.

Начинаешь вспоминать, и тѣкаешь одинъ за другимъ великолѣпные особняки. Вотъ, на Новинскомъ бульварѣ дѣяный домъ, достопыный быть поставленнымъ полъ стекло, князя Гагарина, восхитительный интерьеръ, очаровательный внутри, со своими комнатами сибирскихъ формъ, набитый сокровищами искусства.

На Никитской домъ, бывшій князя А. А. Щербатова, теперь дочери его Новосильцовой. Сыны князя, говорятъ, выстроили себѣ очаровательный домъ на Новинскомъ бульварѣ. На Садовой большаго имени старой княгини С. С. Щербатовой, рожденной Апраксинской со Замышкинъ, устроенная въ бывшихъ особнякѣ тоже восхитительнаго вида.

На Тверской бульварѣ, почти противъ находящегося на другой сторонѣ его тоже прекраснаго дома московскаго обер-полицейскаго, барственинъ особнякъ бывшій Вырубовыхъ, съ дивной амфиладой парадныхъ комнатъ, съ величественной парадной лестницей и парадными стѣнами, въ которыхъ длинный, богатый разлѣкомъ тянется отъ входныхъ дверей къ началу торжественной лестницы. Все это великолѣпное незлобно просится въ послѣдній актъ „Горе отъ ума“.

черезъ бракъ покойнаго попечителя Московскаго учебного округа, князя Н. П. Мещерскаго съ графиней М. А. Паниной.

Въ Леонтьевскомъ переулкѣ у Никитской громадный домъ бывшій графа Закревскаго, знаменитаго чудачества генералъ-губернатора Москвы, а до того бывшаго военнаго министра, теперь владѣнія Сорокумовскаго, Превосходнаго большаго особнякѣ, между дворомъ и садомъ, графини П. А. Уваровой, архилога. На Пречистенскомъ бульварѣ громадное владѣніе съ дивными главными домомъ Московскаго уезднаго округа, и рядомъ громадный особнякъ, бывшій княгини Н. В. Оболенской, рожденной Мелевеновой, матеря покойнаго гофмаршала Александра Третьяго князя А. С. и товарища министра иностранныхъ дѣлъ князя В. С. Оболенскаго, теперь фонъ-Мекка.

На Арбатѣ — уютный и большой Невазловскій особнякъ, гдѣ принимала хозяйка, Марія Александровна, рожденная Талызина, графиня Суворова (мать Столыпиной и Сазоновой), дѣявший домъ Селивановой, рожденной Охотниковой, сдѣлавшійся вкусными и обильными обиліемъ, и долгое время бывшій необитаемымъ мрачный домъ кня. Хнаковой, у „Николая Явленнаго“, жившій даже репутацію „дома съ привидѣніемъ“, перешедшій по наслѣдству князю Оболенскому.

На Пречистенскѣ — громаднѣйшій домъ Всеволодовскихъ (штабъ военнаго округа), домъ Б. Мартыновыхъ, институтъ Чертовой и

Гостиная.

Въ послѣдніе годы владѣніи домомъ Вырубовыхъ его завѣдала семья Таточныхъ (сынъ поэтъ), дѣлающая тутъ вечера.

На Тверской въ прежнемъ своемъ великолѣпнѣ стоитъ величественный домъ съ широкимъ дворомъ Ангальтскаго клуба, съ двумя крыльями — флигелями. Къ сожалѣнію, видъ на него съ улицы испорченъ, благодаря замѣнѣ рѣшетки однотажнымъ зданіемъ магазиннаго. Однако, мѣсто здѣсь такое дорогое, что же по-вернется звать съказать слово осужденія.

На Никитской громадный съ флигелями особнякъ князя Мещерскаго съ домовою церковью и высокими комнатами строгаго холондаго вида, перешедшій въ этотъ разѣ отъ графовъ Паниныхъ,

нѣсколько превосходныхъ купеческихъ особняковъ дворнаго происхожденія, между прочимъ прелестный внутри, деревянный домъ, бывшій Чеснокова, бывшій Лопухинныхъ.

На Садовой, у Суваровой башни, и у „Толкухаго торго“ — обширное владѣніе барственинхъ строеній благотворительныхъ заведеній Шереметевскаго дома, устроеннаго однимъ изъ графовъ Шереметевыхъ въ честь своей жены, изъ его же вѣнчальныхъ.

На окрестнѣ города великолѣпное жилье графа Орлова-Чесменскаго въ „Нескутинѣ“, самый яркій образъ широкато московскаго быта. На Воздвиженскѣ громадный домъ-дворецъ, величественный и благородный, графа Шереметева, нынѣ находящійся

Спальня. В глубинѣ двѣ софы, служившія кроватями.

во владѣніи младшаго изъ братьевъ, графа А. Д. Шереметева. Большой старинный домъ съ расписными потолками былъ этажа Киселевыхъ, теперь Казенная Палата. Давнишній старыи неважнѣйшій домъ Бахилевскаго (теперь владѣніи Экономическаго общества военного округа), въ которомъ долгое время жилъ и принимала, живущая теперь въ Петроградѣ въ своемъ особнякѣ по Фурштатской, сибирѣйшая княгиня В. А. Волковская, рожденная княжна Львова, и динѣйшій старыи особнякъ, долгое время принадлежавшій Рюминымъ, а отъ нихъ перешедшій къ Коронкинымъ, затѣмъ купленный московскимъ губернаторомъ Кривошеинымъ, въ настоящее время собственность богатѣйшаго нефтяника Шаши-Асадулова.

скомъ домѣ, который былъ единственнымъ оборудованъ и для большаго прѣмѣнья и для уютнаго семейнаго жилья.

По росту съ этой семьей, съ этимъ домомъ соединены для меня воспоминанія ранняго дѣтства.

Я помню елку подъ новымъ годъ, когда съ родные собирались въ этотъ домъ, и вечеръ начинался маленькою предъ ѣтвой Москвинчиной Босометеръ Иверской, а потомъ всѣ переходили къ зажженной елкѣ, и старая бабушка Рюмина, чопорная старушка, державшая всѣхъ въ страхѣ, несмотря на свою привѣтливость, въ стромъ съ роженъ щецъ и стромъ платъ съ нахичкой, раздавалъ подарки.

Это былъ послѣдній годъ, прожитый въ домѣ этой семьей, такъ какъ сейчасъ же послѣ ея смерти домъ былъ проданъ.

А раньше въ теченіи десятилѣтій тутъ веселился Москва всѣхъ зимнихъ сезоновъ. Всѣхъ четверть танцовали, и всякое воскресенье знакомые безъ особаго зова ожидали къ обѣду. Е. Ф. Рюмина отличалась такимъ умѣньемъ воспитывать слугъ, что домъ былъ поставленъ удивительно чисто. Разказываютъ, напримеръ, что не было дня, чтобы она не садила повара, который былъ само совершенство, какого-нибудь замѣнника. И, когда Рюмины продали свой домъ, многочисленные нхъ, оставшіеся тогда безъ мѣста, слуги были разомъ расхвачаны.

Я помню всю обязательность этихъ стѣнъ, обитыхъ шторами, съ красными, спускающимися почти до роста сиделкии нѣтъ, дѣлными украинскими, эту предель торжественной мебели съ ея выгнбми, эти складки тяжелыхъ драпировокъ, великолѣпные бронзы, познко всевозможнаго фарфора, лучи хрустала и сверкающаго серебра на торжественномъ лакированномъ столѣ, золоту стѣтъ, безшумно двигавшіеся вокругъ стола и дожидавшіеся вѣщери гостей. Изъ своего коннаго завода у нихъ были рыска, конские тогдашніе, хотя и безъ резинированъ шинъ, но легкіе экипажи такъ быстры, какъ, мнѣ кажется, большіе экипажи не прихотливы были.

Когда и вспоминаю Москву, мнѣ несомнѣнно вспоминается этотъ мнѣмъ величественный и очаровательный, радомъ, и уютный домъ.

Ситцевый кабинетъ. На стѣнѣ портреты, постель О'Коннелля. Направо спереди *établissement*.

Наверху, в низких по старинному комнатах жила семья дяди со своим гувернером и гувернанткой, французи и англичанки.

В старое время там царствовала замечательная энциклопедическая издательность: великий граф де Мажеж. Его предки во время гонимости во Франции гугенотов эмигрировали в Швейцарию.

Старик был изумительно образован и безконечно мал. Но в последнее время своей жизни он не мог уже угадывать за питомцами, в которых равно просыпались страсти. Была, малышка-подросток сдвигалась чучело, ночью положить его под простыню, а сама—хоча, и возвращается под утро, упинаясь незаконными тайными сладостями жизни.

Много тайн хранила старая дом. Много сильных движений души видела та комната, где подростки богатые барчата, к которым жизнь так невозможно рвалась своими соблазнами.

Видя на его счет, и живя в батюшка из проповедан воспитания. «А вы, святые уголки, запечатанные и скрытые под коготком, нини увиделись сибирь усердием и изданием его превосходительства Николая Гавриловича»...

А через несколько домов, в другую сторону—приходская церковь, «Борис и Глеб», на Арбат, где старики сбегали к низу был большой «архив», — лавка фруктов, где становилось так хорошо, на корнях предельных «предельных» и где по «домову», была всегда поставлена ковер, розовыми и сиреными квадратиками шерстью по кант, руководила бабушка Роминой.

Есть какая-то особая умирность, какая-то тихая красота в этой радости покорности старым обычаям, старым «взрывам». Как в скромной усадьбе Ларинных, так и в этом богатом «взрыве» доль Москвы.

Литературная гостиная, желтая.

Смотрю сейчас на прелестное лицо дядюшки Льва Николаевича Рюмина, умершего в студенческую пору. Сложная натура. Большая доброта. Близкие университетские товарищи, которых он не чууждался, не знали отдачи в деньгах. Вкус ко всему красному. И сама песь извещество. Вот дядя, стоящий от пола на основании красного дерева, вращающийся во все стороны, поднимающийся и опускающийся на металлическом стержне, сдвигаясь по его длине, по его рисунку, для его занятий. Много читал, думал, говорил задумчиво и глубоко. И так же много «несколько жить». А потом похвалное настроение, плеще походы «к Троичке», за 70 верста, — в Троиче-Сергиевскую Лавру, где Рюмин был крупным владетелем и где первый из семьи он лег под громадным крестом близкого «жареного», еще несовершеннейшего.

От всей московской церковности что-то неограниченное плеще на чужую душу. Старый Рюмин ежедневно ходил к раковой обители «к Власовскому». Высокая колокольня этого бывшего монастыря была видна со двора. Всю живопись этой церкви обновил

Они хранили в жизни мирной
Принципы милой старины;

У них на масленый жаркой
Волнались русские башни.

Два раза в год они говили,
И за столом у них гостями
Носили блюда по чинам.

А поэзия женской разноразличной души, той весенней поры, где подросток уже не дядюшка, и еще не дядюшка, эти скучные мечты и порывы, предчувствие счастья—высшее, быть может, самого счастья!

Дядюшка голова, склонившаяся в сумерках к записывающему оху. Товенский пальчик, выходящий из стекла заветный вензель. Экзерсис на роли. Разноцветная шерсть ханы.

Премы, с которыми разговорами, легкими злословием и радушием, где друзьями так трудно отличить от искренно-

шуршащие шелковые платясы на ватных, с подкладкой сверху головками дамск, медвежо асходящих по аберн, כמו безмолвно вливающихся парных росахъ за-
нѣ въ бархатныхъ короткихъ штанахъ, кулать и ли-
пренхъ, и за материи худеица и стройны дочки, съ по-
тушенными глазами, успавающими однако незаметно улыб-
жуться молодому человеку, стрѣлой врывающемуся по дру-
гому колѣну двойной абернши, небрежно оправляя рукой
поднятые кудри.

Благоуханіе цвѣтовъ по комнатамъ, тонкое курево, про-
носимое по переднимъ комнатамъ внимательнымъ дворен-
кинь.

„Фангела“, съ замужними дочерьми наверху и неспя-
санной дворней, „приходящейся и миловавшейся“ въ нижнихъ

Зеленый кабинетъ (съ акварели работы В. Н. Рю-
минной). На мольбертѣ портретъ Е. Ѳ. Рюминной,
Lasch'a.

этжехъ, съ окнами, откуда смотреть разнѣные листья „те-
рани“.

Вѣдъ эти почтительные, но съ чувствомъ собственного до-
стоинства, „Фенгисъ Сергичина“, „Анна Васильевна“ — камеран-
перы и „Юлиана горничная“, ключницы, буфетчики, выходящие,
казачки, раскислые, поваря и кушарни, поларета, буфетные и кухон-
ные „мужики“, лаповщики, лаунышники, кучеры, конюхи и криво-
ногіе „фелеторы“, швей, прачки, судомойни, швейцаръ въ переплыве
и съ булавой и подшвейцары, истопники, полотеры, официанты
и лакеи, вѣчный оборотъ хлопотливого хозяйственного колеса, весь
разнѣренный шумъ и суета большого и богатаго семейнаго гнѣзда
съ господскимъ населеніемъ въблоскахъ повознѣй...

Книга главнаго швейцара, гдѣ вписываются всѣ посетители
и противъ нѣкоторыхъ именъ престарѣлыхъ москвичей отиѣчено:
„прислала чепчикъ“, „забѣлаха узнать о здоровьѣ“.

Тетушка Катерина Николаевна изъ графа Букстегувскаго, на
портретъ скачущаго въ аэлютантской формѣ и треплюнъ на ры-
жеватыхъ волосахъ чрезъ роуъ на сѣрой въ вблоскахъ лошади.

Е. Ѳ. Рюмина. Лит. Митрейтера съ портрета
масломъ Lasch'a.

Тетушки Любовь Николаевна, томной, грустной блондинѣ, смо-
трающей въ свѣтло-голубую шелку съ акварели Соколова, за
красавца - повѣсту Полторацкаго, съ кудрями цвѣта „воронья
крыла“, следшаго ее проважана и постоянно возбуждаемого ре-
вностью чрезъ два года въ могау. Тетушка Прасковья Ни-
колаевна:

— Уауа уауа съ пазнѣть,
Уауа любви съ душою—

за уауа Вельшевска, неисправнаго мота, брата Вельшевска-
воспитой лухавымъ стадамъ Пушкина „Подъбавъ подъ Ишору“,
Тетушки Марья Николаевна за Мухомова, умершаго загравнѣи
мѣшае чѣвъ чертъ толь послѣ свадьбы и обѣскаго молодую
жену въ неснимаемъ траурѣ.

И, когда перебираешь въ памяти всѣхъ этихъ родныхъ и тѣ
испрѣксы жизни, которые они по себѣ оставили, и когда вспоми-
наешь теченіе ихъ жизни, ихъ любовь и надежды, пареніе въ высъ
и паденія, книги, которые они читали, мысли, клани думали:
тогда старый домъ превращается въ какой-то коацета, забытой
длинными и долгими житейскими переживаниями, и сердцу, не
умѣющему спокойно слышать одно это неразрѣшимое слово—
„прошлое“ кажется оны чѣвъ-то свѣтлымъ.

Какъ поинти человеку, посѣщающему старое семейное гнѣздо,
которое находится въ чужихъ рукахъ, прекрасная строка Ога-
рева „Старый домъ“.

Старый домъ, старый другъ! Постыль и,
Наконецъ, хъ запустѣлы тебѣ,
И былое опять воскреситъ я
И печально смотрѣлъ на тебѣ.

Дворъ лежалъ предо мной вѣнчанный,
Дѣ колодезь вылезъ гнилой,
И въ саду не шумѣлъ вѣтъ зеленый,
Желтый гнѣвъ оны въ почвѣ сирой.

Домъ стоялъ обветшалый уныло,
Шпукатурка обиласъ кругомъ,
Тучи срывъ сверху зашла
И все плакало, глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣ же комнаты были—

Но теперь запустѣлы глухою,
Пустыни вѣсть по уауамъ.

И мнѣ странно ладить старо. Дрожать я,
На кланѣхъ и бую стою,
И родныхъ мертвецовъ вынимаю я,
Но ихъ мертвыхъ никто не возсталъ.

Ерѣе.

ЗНАМЕНСКОЕ-ШИШКИНО.

Рязанской губ., Рязанбургского уезда, вдовы гвардии полковника
Элеоноры Викторовны Шишкиной, рожд. графини де-Шамборантъ

Ихние расхожены из живописной мистичности, по рёбам Ставаса Росо». При усалбн старинный косяк завад, веро-
хот и расхислы дошад; завад принадлежт теперь Вас.
Ник. Шинкулю, бышнему ремоутеру, зытоку и любящему ко-
лодеш. Вэ барском домт, съ хороней старинной мебелию, ест
интересные фамильные вещи. Межу прочим, часы превосходной
работы, воспроизведенные на фарфоре, изданные в 1870 году
В. Н. Шинкулем, бывшим в то время на дипломатическом служеб-
ном посту, ест фарфоровый от корол. Людовика XVI. Интерес-
ный фарфоровый *the-à-tête* и фарфоровая кружка Александранской
эпохи, полученные им подарком отомъ австрийских усалбн,

графом Викт. Иван, де-Шамборянца. Судьба графа не являлась интереса. Во время французской революции семья его эмигрировала в Россию; граф желанием был принять императрицы Екатерины в Кадетский корпус. Запущенная на службу в артиллерию, где и дослужился до генерала. Пожелав участие в войну 12-го года, нибыл опрешь Георгия, знавший в Георгіевскіи заклъ Московскаго Двора. Императоръ Николай Павловичъ предложилъ графу, какъ эмигранту, по желанію вернуться во Францію, но графъ отвѣтилъ, что хочетъ навсегда остаться въ Россіи, его новымъ отечествѣ.

Островъ съ бесѣдкой на рѣкѣ „Становая Рѣса“.

Tête-à-tête (помпадуръ) и
Поповскія тарелки.

Часы Louis XVI, вывезенные из Парижа (подарок короля).

A black and white photograph of a formal parlor. The room features a large sofa on the right, a small table with a lamp in the center, and a large window on the left. The walls are decorated with framed pictures and a large mirror.

12

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Въ послѣднее время процвѣтаетъ такой фокусъ: издають убоищу незнакомую книгу—а то и брошюру—въ ста экземплярахъ, продаютъ ее, что называется, «за корню»; а не уходя книга вышла, какъ она уже «распродана», въ библиотечнической рѣдкости! И авторъ хвастаетъ, что его изданіе распродано, а библістныя авизируютъ цѣну на никому не вужную книжечку. Отпечатать авторъ съ этой америкальской споровой четиры—пять книжечекъ, распродать ихъ, и за нихъ въ «широкихъ кругахъ» упрочивается мнѣніе, что изданіе этого автора всѣмъ распродано, авторъ выдающийся интересъ.

И автору тоже вѣдомо, такъ какъ онъ полагаетъ экземпляровъ, прирѣзаетъ и продаетъ ихъ затѣмъ использовать «изъ-подъ пальца», по извѣстной цѣнѣ, какъ особую рѣдкость.

— Среди издателей съ такими выстрѣлами я знаю въ Петроградѣ одного, совершенно безыскуснаго, жаждущаго безъ всякой задней мысли свои никому неважные каталоги и сборники, чуть да не въ десятъ экземплярахъ. Издастъ гдѣ-то поточковку, прѣвѣсь, въ какой-то необыкновенной типографіи, потому раздѣлитъ издѣланы, листамъ, подъ асаніями секретовъ, по одному экземпляру и Христовъ Богъ, проситъ никому объ этой книгѣ не говорить и жидъ о ней не писать. А изданіе его одно старшій друге: оны, напримеръ, способны издать Житія Святыхъ съ иллюстраціями Ронса.

— Это уже выходитъ изъ области литературы, или вѣрнѣе эта область литературы спеціальной—психической.

— Съ такой точки зрѣнія можно много набрать психическо-литературны: мало ли авторовъ, которые эгоизмъ пробовали помышлять свои произведенія, жидъ ихъ не брали, никто ихъ не читалъ, никому они не вужны, но авторъ не могутъ успокоиться и издаютъ испрѣвѣнно «свою книжечку».

— Дѣло въ это психіатрію—я не знаю, но несомнѣнно книгъ печатается въ пять разъ больше, чѣмъ слѣдовало бы, и средѣ этой беаберды часто не сразу находили настоящую книгу... Сколько приходится тратить времени на переизысканіе всякой дребедени.

— Знаете, чѣмъ это главнымъ образомъ объясняется?—у насъ сашеюмъ есть книжный рынокъ. Владе если русская книга выдержитъ десять тысячъ тиража, то уже большой успѣхъ, а обыкновенно печатають тысячу—двѣ, на такое небольшое количество экземпляровъ жидъ жидаетъ у многихъ, вотъ и печатають. Въ Англіи, Франціи, Германіи—така издаютъ 50,000 экземпляровъ, 100,000 экземпляровъ при успѣхѣ, и если бы какому-либо графоману вздумалось самому издать тысячу экземпляровъ, то это потеряется среди настоящихъ книгъ. А у насъ и дребедень, и серьезную книгу печатають въ тысячу экземпляровъ и на показъ кладутъ ихъ разомъ, одинаковыми кучками, и авторъ дребедень торжественно объявляетъ, что онъ жидетъ на той же полкѣ, гдѣ и книга настоящая. Въ Англіи говорятъ: «его книги уже кажутся на первые люди»—это значитъ, что книги кажутся уже въ сотни тысячъ экземпляровъ.

— Будетъ ли послѣ войны революція? по моему мнѣнію она совершенно невозможна—говорилъ оны, называя себя, кажется, десятымъ боксомъ въ футбольнѣ съ яркими «бабушкины кивсы».

— Мы заговорили со вчерашняго дня—между прочимъ пояснѣть другой, сдѣланый въ столикѣ.

— Революція невозможна—невозможна и не вужна—потому, что революція всегда была борьбою высшихъ классовъ съ низшими за распредѣленіе благъ. Революція шла сверху, и при помощи эти низшіе классы отговаривали у высшихъ и богатымъ вѣнскую часть благосостоянія... Настоящая война содѣлала улучшенію матеріальнаго положенія именно низшихъ классовъ, какъ разъ на оборотъ. Улучшеніе положенія рабочаго и создало случайныя состоянія у разныхъ темныхъ личностей, и парижанъ, а люди, жившіе на ренту, и высшее чиновничество, и чиновники и жиды, повнѣю, потеряли вѣсть съ удесятереніемъ рублемъ. Получается абсурдъ: революція должна устроить высшіе классы противъ народа, а такой революція, повнѣю, не будетъ.

И оны назвалъ еще боксомъ Мумия.

„The Coat-of-Arms“.

ДРЕВНИЕ И НОВѢЙШЕ ДЕВИЗЫ.

Краткіе изреченія, сентенціи и возгласы традиціоннаго характера, переходящіе изъ рода въ родъ, были давно извѣстны и распространены средѣ германскаго рыцарства подъ названіемъ „девизовъ“. Обычай усвоеніи такихъ девизовъ, въ качествѣ гербовыхъ отвлѣчъ, установился, однако, довольно поздно—именно только въ XIII и XIV вв.

Какъ геральдическая часть, девизъ получилъ свое названіе отъ одной изъ фигуръ, имѣющихъ видъ пояса и занимающихъ среднее мѣсто между обыкновенными узкими поясами (Bardie) и нитяю на чертѣ (Liait), на которыхъ въ гербѣ или въ шитѣ оны помѣщаются.

Эта геральдическая фигура въ спеціальной терминологіи носитъ также названіе „девица“. Отсюда появилось техническое выраженіе „въ девицѣ“, т. е. помѣщеніи по направлению и въ положеніи девицы. Дѣйствительно, на древнѣйшихъ гербахъ девицы помѣщались въ такомъ видѣ, т. е. на узкой горизонтальной полосѣ, поперекъ шита, ближе къ верхнему его краю). Впоследствии, однако, установились снѣра общій помѣщать девицы на лѣвѣмъ, сверху, а съ теченіемъ времени—иногда на окрестъ шита. Характерный примѣръ представляетъ англійскій государственный гербъ. Знаменитый девизъ Англіи „Honi soit qui mal y pense“ (прѣзрѣнъ да будетъ, кто дурно мыслитъ)—помѣщенъ на лазурной лѣтѣ, окружающей круглый или такъ называемый лѣвскій шитъ, образующій кайму. (Кайма изображаетъ, какъ извѣстно, лазурную ленту ордена „Полѣзныи“). Внизу шита разнѣвается другая лѣта, повнѣю, съ девицею англійской королевы „Dien et mon droit“ (Богъ и мое право).

Девица русскаго государственнаго герба „Съ нами Богъ“—въ противоположность такому расположенію, помѣщена надъ гербомъ, именно на его „славѣ“ (paliquin).

Въ Италіи впервые обычай девизовъ на гербахъ установился послѣ похода французскаго короля Карла VIII (1493 г.). Этотъ

обычай скоро вошелъ во вкусъ среднѣвѣковаго общества, и девизы стали достояніемъ не однихъ только интуитивныхъ феодаловъ и инстинктивныхъ рыцарскихъ рыцарей, но заимствовались городскими, общинными, корпоративными, за которыми послѣдовали парламенты, академіи, университеты, духовные и свѣтскіе (рыцарскіе) ордена, даже суды, отдѣльные части арій и всѣхънѣхъ орденовъ. Эта мода вызвала къ усиленной дѣятельности цѣлую группу спеціальныхъ ученыхъ и писателей—геральдистовъ, подъ разными, иногда довольно странными наименованіями—символистовъ, нконодологовъ и проч. комментаторовъ.

Несчастнаго фантима этихъ прискакавшихъ генеалоговъ мы обязаны появившемся громаднымъ количествомъ странныхъ и чудесныхъ объясненій происхожденія и раздѣловъ многихъ древнихъ вѣдѣтельныхъ и даже обыкновенныхъ дворянскихъ фамилій. Отдѣленіе этого сказкаго, вымышленнаго отъ документальнаго матеріала и составляетъ область современной геральдіи, а съ нею также и новѣйшіе геральдики.

Сдѣлаетъ, однако, добнѣтъ, что по многимъ случаямъ эти псевдо-ученныя изысканія носили печать искренности и лаявнѣи въ складываніи откровенія, добытаго при помощи астрологіи, оккультизма, волшебства и другихъ сверхъестественныхъ наукъ. Даже значительно позже такіе примы нѣзависимы своихъ поставителей, что доказываетъ, напримеръ, швейцарскій родословный Мавелоніи I, устанавливающій древнее и высокое происхожденіе великаго человека въ отъ извѣстной дѣлѣной Маски, въ которой предсказанъ возмужанію брата Людовика XIV, то, для еще дальнѣе, отъ древне-римскихъ патриціанскихъ родовъ Юліевъ и Сидальевъ, и т. д.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и многіе историческіе гербовые девизы, съ точки зрѣнія стрѣны прѣдшественнаго имъ происхожденія и времени возникновенія, часто относятся также къ области геральдическихъ легѣдовъ.

Вскорѣ появились своеобразная литература, въ которой при образѣ извѣстности многіе кабылѣфигуры и составленія девизовъ, какъ напримеръ, итальянскіе Bargagli, Вира, Ferro, Marziale, итуду Жюве и др.; особенно были извѣстны аббатъ Пиналяни, авторъ

Существуют еще девизы, имеющие претензии наветь на древнюю роду, указывая косвенно на того или другого знаменитого рода. Таковы девизы патрицианского римского дома Массимо, выходящего себя от римского полководца Фаби Квинтатора (215 г. до Р. X.): „Clandano restituit“—медля возстановил, т. е. победил.

Есть также девизы из вида *pebutoya*, как у Гизов (ducs de Guise)—исходно буквы А в середине О, что означает: „Claque a son tour“—каждый по очереди.

Наиболее распространенным в рыцарскую эпоху, а потому и наиболее геральдичным и почетным считался „военный ключ“, с которым войска бросались в бой. Такой ключ в более раннюю историческую эпоху обыкновенно заключал указание на родовые традиции бинтеррей, командованного отрядами. В других случаях ключи призывали помощь Божию, Св. Давид или того или другого святого—родного патрона, покровителя иждивателя отряда или города, из которого происходило войско.

Из наиболее древних и знаменитых военных ключей известны:

Герцогини Бургундской: „Notre Dame de Bourgogne“—Божья Матерь Бургундская (оригиналы: Бургонь—„Bourbon Notre Dame“ (то же самое, Де-Бурбан, герцогиня Фоа—„Notre Dame de Foix“); Божья Матерь испанских королей: „San Iago y Santa Eulalia“ (Св. Яков—патрон Испании и испанских королей, как св. Елизавета—патрон королей французских).

Интересна история ключа крепостного рыцаря Данглора, взятого в плен сатановым Саладином. Оный был выпущен сатановым на свободу, под честным словом, что павший отправится на родину и привезет в Юстинианову свой выкуп. Данглор, честно исполняя заручение и вернувшись к сатане с выкупом, Саладин, отпущив безграмотно рыцаря, вручил ему свободу и выкуп, и в преданью позарил своего боевого коня с ворогом восточной бронею, взяв с Данглора слово, что оный к своему ключу присоединит имя его Саладина. Рыцарь исполнить желание сатаны и поместил в своем гербе восточную ковку поношу, взяв за ключ парол „Саладин и Дамаск“.

Существует иная группа девизов, относящихся непосредственно к геральдическим построениям и фигурам, причем гербовая фигура еще при том гласит, т. е. обозначает с фамилией владельца.

В герб города Парика—галерея на полях и латинский девиз: „Falsitas est meritorum“ т. е. пусть памяту, но не товет.

Первое историческое событие дало начало девизу.

На этом фон существует немало весьма поэтических и красивых девизов, особенно в польской геральдике, став своеобразной и в высшей степени стильной. Любопытны рассказы о возникновении девиза графов Скарбеков (hr. Skarbek).

В весьма отдаленные времена Кракуса, поля Вавель, у королевского города Кракуса повисла страшная эдикция, повелевавшая ежедневно множество жертв. От него освободил город ильто Сауба, муж отважный и хитрый, хитростью чудовище странным составом, за что от короля Кракуса оный получил герб с начальной буквой W, что означало Wawel (замок поля Краков), по другим Висла и др. В 1109 году один из его потомков, могущественный граф Ян-де-Гора (от Гора, из которой стоял Вавель), был отправлен воеводством Краковским (hoy. Клукович), из качества посла к императору Генриху V для переговоров о мире. Желая устроить польского посла, император повел его к своему сокровищнику и, показав ему свои богатства из вида червонца, указавши его судуку, издал ему сказал: „hoc perdonabit Polono“, т. е. это погубит поляков. В отчаянии, сием с пальца свой драгоценный золотой перстень (Sygne), т. е. родовую печать, небрежно бросил его в кучу золота, гордо провозгласив: „dignus—unus“, т. е. достоин—один, или пусть золотый соединится с золотом. Показавшись Гейриху, тот только благодарно издал графа, сказав любезно по-польски (латинский язык считался дипломатическим)—„Habe Dank“ и заключил мир, не устранив поляка. В память этого король назвал графа „Скарбеком“ (от *skarbi*—сокровище), а герб его (серебряный знак W на червлене) получил название „Habdank“ или „Abdank“. В этом гербу графский род Скарбеков присоединил свой фамильный девиз „unus—unus“¹⁾. Государственный девиз Австрии тоже создан историческим происшествием дворового характера.—Замечательна фраза „Hony soit qui mal y pense“ был произнесен королем Эдуардом III в 1347 г., когда он на дворецком был взят в плен и отправлен во время визита ваворской графини Софи-соре, поварку и впасть ее себя при всём на дный чулок, возбудив общее неудовольствие и возмущение королевы (дочери французского короля Филиппа Красивого). По другой версии он назвал поварку и повел ее сконфузить дами, которая, боясь насмешек, хотела пошевелить язык.

Король, уговаривая ее отстать, обещал вознести поварку на высокую высоту, чтобы все сшибавшееся стало ее уважать, как высший знаток отдачи. Существует и третий объяснение, по которому начало этого высказанного сродна относится к битве при Кресе, когда во время св. Эдуарда III поляков парализовало „Подмязка“ (garlic), и став девизом, слово это получило значение призыва английских королей на престол Франции.

К историческим девизам относится девиз на испанском языке, составленный Христофором Колумбом по поводу открытия им Америки.

„Por Castilla et por Leon
Nuevo Mundo hallo Colon,

¹⁾ Клеп. Nisicki—Herbarz Polski, wyd. Dobrowiecki, Lipsk, 1828.

Рыцарь бинтеррей.

Нидерландский герб.

Герб Гора Женови.

Белыйский герб.

писание жизни, дѣлъ, бѣдствій и разныхъ приключеній* вносилъ сюда всѣ происшествія. Въ музеѣ мѣбской ученой архивной комиссiи хранится лѣтописецъ, который велся въ теченiе нѣсколькихъ поколѣнiй въ семьѣ Гончаровыхъ, родныхъ знаменитаго романиста. Начиная съ 1732 г. до начала XIX вѣка на листахъ, подклеенныхъ къ любимой книгѣ духовнаго содержанiя, которая, должно быть, часто читалась въ семьѣ, велась записи о событияхъ семейной жизни, выдающихся политическихъ новостяхъ и замѣчательныхъ явленiяхъ природы. Можетъ быть на подобный источникъ своихъ свѣдѣнiй о составѣ именинъ Чацкого ссылался Фамусовъ: «Въ моемъ календарѣ... и была рѣзко остановленъ безцеремонной старухой Хлестовой: «все врутъ календари!»...

Предъ нами лежитъ характерный образецъ этихъ семейныхъ лѣтописей — календарей. Это — Мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1802, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на званiйшiй мѣста Россiйской Имперiи* и изданный, въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академiи Наукъ* (ей въ старину принадлежало монопольное право изданiя календарей). Онъ въ недурно сохранившемся кромѣ шелкомъ переплетѣ, съ инициалами „А. С.“ на передней доскѣ, и съ золотымъ обрѣзомъ. Между листами его вложены листки писчей бумаги, и на нихъ подѣ соответствующимъ мѣсяцами и находятся записи; до насъ дошли только первая сорокъ восемь страницъ книги, только самый календарь безъ сопутствующей „литературы“, но, надо думать, остальное было вырвано потому, что съ годами утратило свое значенiе, а лѣтописи еще долго пополнялась и приобретала все большую цѣнность.

Инициалы на переплетѣ означаютъ имя владѣльца книги сенатора Александра Александровича Саблукова, бывшаго при Екатеринѣ II и Павлѣ I вице-президентомъ мануфактуръ-коллегии, а при Александрѣ I членомъ Государств. Совѣта (умеръ въ 1826 г.). Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Андреевнѣ Волковой. Генералъ Н. А. Саблуковъ, авторъ извѣстныхъ записокъ о временахъ Павла I и Александра I, — ихъ сынъ; дочь ихъ Екатерина Александровна (1777—1846) была замужемъ за дѣйствительнымъ камергеромъ Павломъ Петровичемъ Бакунинымъ, служившимъ по дипломатическому вѣдомству. Дѣти Бакунинныхъ — Александръ Павловичъ (1797—1862), учившiйся въ Царскосельскомъ Лицѣѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, и Екатерина Павловна (1795—1869), фрейлина Дюра, самая пламенная юношеская любовь великаго поэта, вступившая ему цѣлый цикл стихотворенiй, „Катерина I“ его „Донъ-Жуанскаго списка“, въ замужествѣ Полторацкая.

Большая часть записей принадлежитъ дочери перваго владѣльца календаря, Е. А. Бакуниной, которая вела лѣтописи вплоть до сороковыхъ годовъ, судя по такой записи: „рожденiе Наташи Шаховской, въ 1840 году минуло ей 15 лѣтъ“. На каждомъ шагѣ встрѣчаемъ имена Саблуковыхъ, Бакунинныхъ и ихъ

родственниковъ Муравьевыхъ, Мордвяновыхъ, Полторацкихъ. „Они хранили въ жизни мирной привычку мирной старины* и никогда не забывали другъ друга навѣщать, поздравлять въ день рожденiя или именинъ. Родствомъ и свойствомъ считались въ тѣ времена чуть не до седьмой воды на киселѣ, и даже изощренная на этотъ счетъ память какой-нибудь бабушки или тетушки, присяжной хранительницы домашнихъ преданiй, не могла бы сохранить всѣхъ достояннѣйшихъ членовъ дѣла, если бы не было подъ рукою календаря лѣтописи. Было бы положительно рискованно не захватъ поздравить съ днемъ рожденiя властную и сердитую устатую старуху, кнѣгиню Наталью Петровну Голицыну, пушкинскую Павлову Даму, а забыть такихъ почтенныхъ, всѣмъ любимыхъ и уважаемыхъ людей, какъ А. С. Шишковъ, который и донынѣ блещетъ средѣ народа священной памятью

Двадцатого года“, или А. Н. Оленинъ, президентъ Академiи Художествъ, было бы просто грѣхъ. Изъ другихъ болѣе или менѣе историческихъ именъ встрѣчаемъ въ запискахъ Е. А. Бакуниной имена моряка и писателя Логгина Ив. Кутузова, председателя Госуд. Совѣта графа В. П. Кочубея, его дочери Натальи Викторовны, въ замужествѣ гр. Строгановой, дочери Кутузова — Смоленскаго Дарья Мих. Опочинина (1788—1854), жены оберъ-гофмаршала и члена Госуд. Совѣта Феод. Петр. Опочинина, Екатерины Феод. Муравьевой (1771—1848), рожд. баронессы Колокольцевой, матери декабристовъ Никиты и Александра Мих. Муравьевыхъ и тетки другого декабриста М. С. Лунина и поэта К. Н. Батюшкова, графа Сем. Ром. Воронцова (1744—1832), бывшаго посла въ Лондонѣ, Соф. Петр. Савичиной (1782—1857), одной изъ первыхъ нашихъ великобританскихъ католичекъ, морально-богословской писательницы, хозяйки знаменитаго парижскаго салона, и многихъ другихъ представителей русской аристократiи. То съ радостной

Е. А. Бакунина,
рожд. Саблукова. Съ портрета работы Л. Грессе.
(Петроградъ, Имп. Эрмитажъ).

улыбкой, то со слезами въ календарѣ вписывались рожденiя, свадьбы, болѣзни, именины, кончины и поминки близкихъ и друзей. Не забыла Е. А. Бакунина и общественныхъ событiй. „Въ 1824 году 7 Ноября наводненiе случилось въ пятину“. Большое впечатлѣнiе произвело на нее возмущенiе 1825 г. „14 Декабря въ Понедѣльникъ объявлено государемъ Николай Павловичъ — и было смѣненiе, и стрѣляли по возмущеннымъ изъ пушекъ картечью“. Годъ не прошло, и она записала: „13 Юля, что было во вторникъ, казнили преступниковъ въ 4½ утра“.

Описанный нами календарь весьма типиченъ для всѣхъ подобныхъ мѣлыхъ и нѣжныхъ памятникочковъ прошлаго. При всей лапидарной краткости ихъ сообщенiй ими не пренебрежеть совершенно даже политическая исторiя, да разрѣшенiя хронологическихъ вопросовъ они могутъ имѣть важное значенiе, выше ихъ генеалогическая цѣнность, и еще выше — бытовая.

Н. Лернеръ.

БЛЕСКЪ ЯЗЫКА.

Даже блестящий язык не выдерживает длинны. Даже остроумные фразы, которыми пересыпают страницы, дѣлаютъ ихъ утомительными, если такихъ страницъ слишкомъ много. Современный читатель—кромя гаубогаго провинциала, который читаетъ все до названія типографіи включительно—требуетъ кинематографичности въ изложеніи, требуетъ быстрой сѣмны впечатлѣній, быстрого развитія фабулы, движенія. Выкапываніе самыхъ сокровенныхъ зернышекъ человѣческой психики, изслѣдованіе глубинъ души интересно тоже только тогда, когда это не слишкомъ длинно, не клонитъ къ сну.

Мы еще менѣе требовательны въ этомъ отношеніи. Что касается Америки, то тамъ установился уже вполнѣ определенный взглядъ, основное требованіе къ литературному произведенію:—оно не должно быть слишкомъ длинно! Говорите скорѣе, что вы хотите сказать. Если нужно коснуться деталей, самыхъ мелкихъ—касаться ихъ, но тогда берите поменьше этихъ деталей, чтобы въ общемъ было не длинно. Въ этомъ отношеніи американцы дошли уже до парадоксальности и абсурдности и выдаютъ премии за „самый короткий разсказъ“. Недавно какой-то журналъ объявилъ конкурсъ за разсказъ, въ которомъ „не больше ста строкъ“, а другой пошелъ еще дальше и предложилъ премию за разсказъ, въ которомъ „не больше ста словъ“.

Эту американскую черту вышучиваетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ Г. Уэллсъ. Романъ печатается въ русскомъ переводѣ въ послѣднихъ номерахъ „Литописъ“—„Мистеръ Британтъ пьетъ чаю до дня“. Общество богатыхъ американскихъ промышленниковъ рѣшаетъ, что они, какъ люди культурные, должны быть въ курьезѣхъ новѣйшихъ завоеваній литературы, искусства и науки. Но имъ некогда читать длинныя книги или слушать ряды длинныхъ лекцій. Они организуютъ специальное общество, располагающее большими средствами, нанимаютъ секретарей и имѣняютъ имъ въ обязанность слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ области человѣческой мысли, творчества. Какъ только какой-нибудь ученый, литераторъ, художникъ или изобрѣтатель становится извѣстнымъ, знаменитостью, о немъ начинаютъ писать и говорить въ старой Европѣ, такъ это общество командировываетъ своего секретаря и приглашаетъ эту знаменитость въ Америку прочесть только одну лекцію. Слушатели „изъ первоисточника“ знакомятся съ новыми завоеваніями человѣческой культуры!.. Платятъ лектору-знаменитости большую сумму за прѣздъ, знакомятся съ нимъ и, считая эту область исчерпанной, прощаются его домой...

Большинство нашихъ писателей и журналистовъ люди небогатые, и выкалываніе строкъ разбаиваетъ водой ихъ произведенія. Газетная работа въ особенности содѣйствуетъ этой водянистости. Если бы собрать „труды“ послѣднихъ русскихъ писателей и вычеркнуть изъ нихъ добрую половину, произведенія только выиграли бы. И нужно было бы меньше бумаги, меньше работы наборщика, меньше потраченного времени со стороны читателя, и впечатлѣніе было бы ярче. Укорачивать слѣдовало бы, разумѣется, не по американской мѣрѣ, но все-таки значительно.

Странно длиннотами и французы, но тамъ многое искупается яркостью и блескомъ языка.

Надняжъ мнѣ снова попалъ въ руки уже года три назадъ переведенная по-русски книга Реми де Гурмона „Книга Масокъ“. Въ этой небольшой книжкѣ авторъ далъ характеристики 53 французскихъ писателей. Каждому отведено три, четыре, много пять страницъ. Но какой блестящій языкъ! Какія краси-

вы характеристики! Можеть быть эти характеристики и не всегда совсѣмъ точны, неисчерпывающи, но какъ красиво написаны!.. Пятьдесятъ три критико-біографическихъ очерка и для каждого изъ нихъ свое особое построеніе, своя манера начать и кончить этотъ очеркъ. Каждый очеркъ вполнѣ индивидуаленъ, а не то что начинается съ даты рожденія и кончается датой смерти, какъ пишутъ у насъ некрологи присяжные мертвочкователи. Въ большихъ нашихъ газетахъ есть нѣсколько такихъ присяжныхъ мертвочковъ, которые пишутъ некрологъ человѣка заранѣе, пока онъ еще живъ, когда онъ только заболѣлъ, или когда его возрастъ уже достаточно перевалилъ за вторую половину нормальной человѣческой жизни. Эти некрологи до того бездарны и скучны, что на-дняхъ одинъ пожелавъ снованіяхъ говорить:

„Не знаю какъ быть?!. Развѣ ужъ самому написать свой некрологъ, а то умерши, и будетъ въ грубость, что о тебѣ такъ бездарно написано“.

Недавно, когда умеръ писатель Сѣверцовъ-Полонскій, въ числѣ произведеній котораго есть книга „Вы бывали въ Порто-Рико, танцовали контрдансъ“... то присяжный гробочкопатель, составляя некрологъ, написалъ: „между прочимъ покойный много путешествовалъ, танцовалъ контрдансъ въ Порто-Рико“!

Но возвращаясь къ Реми-де-Гурмону.

Въ предисловіи къ книгѣ онъ вспоминаетъ слова Гёте.

„То, что говорится о вѣщахъ безъ личной заинтересованности (вѣрнее бы сказать искренней, любовной), безъ пристрастія любви, не заслуживаетъ вниманія“.

Въ словахъ этихъ—добавляетъ Реми-де-Гурмонъ—быть можеть есть преувеличеніе. Отпрѣшленныя критика необходима. Но такая работа производится въ полумракѣ. Тамъ не сажаютъ приглашать на ярлыки казны. Мы примыслимъ ее лишь для участія въ праздничныхъ сланахъ.

Нѣкоторые критики принимаютъ видъ судей, изрекшихъ приговоръ и ожидаящихъ плаща.

„А вотъ и плащъ! Разведемъ огонь, чтобы вѣсело плясать вокругъ вѣпы нашей любви“...

Однако для дурныхъ книгъ не требуется костра. Достаточно огня лампы...

Реми де Гурмонъ беретъ не только большихъ писателей, онъ съ любовью вспоминаетъ и журналистовъ, произведенія которыхъ умираютъ вмѣстѣ съ листами газетной бумаги. Кстати сказать, какъ должны расхолаживать современнаго писателя эти однодневныя произведенія! Часто даже яркое газетное произведеніе живетъ только одинъ день. Газета на завтра уже оборотная бумага или для оклейки поды обои. Впрочемъ, большое и дѣйствительно яркое переходить съ газетныхъ страницъ въ книгу, не умираетъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ очерковъ Реми де Гурмона.

Анри де Ренье.

Анри де Ренье живетъ въ старинномъ замкѣ Итанъ, среди замѣловъ и рисунковъ, которыми украшены его стѣны. Онъ предаетъ своимъ грезамъ, перелазитъ изъ замка въ замъ. Вечеромъ онъ спускается по мраморнымъ ступенямъ въ паркъ, вымощенный каменными плитами. Тамъ, среди бассейновъ и прудовъ, онъ погружается въ мечты, въ то самое время, какъ черные лебеди въ своихъ глѣзахъ трепетно вымываютъ крылами, а павлины, ослѣпшіе, какъ морель, величаво высаждаются умирающимъ, неодолимѣею злотостью сумерекъ. Анри де Ренье—дѣтъ меланхоли и блеска...

Довольно этихъ строкъ. Уже представляете себѣ, что такое Анри де Ренье. Гдѣ у насъ такіе некрологи и біографическіе очерки! Впрочемъ, гдѣ у насъ и старинные замки съ эмблемами и рисунками, мраморныя ступени въ паркѣ, вымощенныя плитами, черные лебеди и величавыя павлины?!

И для Франціи исключеніе такое писатели, а у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, нѣтъ замковъ и павлиновъ...

Въ Псковской губ. „Ночное“...

Фото-этиль ген. Красускаго.

Петроградъ. „На Елагиномъ островѣ“.

Фот. В. А. Чогомова.

Граф. Екатерина Влад. Игнатьева
(рожд. Охотникова) и ее сестра
Мария Влад. Охотникова.

Графиня де-Робинь, супруга
секретаря французского по-
сольства в Петроградѣ.

Стефанъ Маллармэ.

Верзанъ и Маллармэ оба были „парисцизм“, оба были прежде всего послѣдователями Бодлера.

Имя начинается длиннымъ свистомъ съ печальной высоты къ скорбному міру „Шайговъ зла“. Вся современная литература, въ особенности та ее часть, которую принято называть символической, известна подъ именемъ Бодлеровской. Но съ тѣхъ поръ во всемъ таинственному, по ея стремлению уловить жизнь природы, по ея готовности слиться съ мыслью, разлитой въ темноту пространствъ міра...

Альберъ Саманъ.

Когда молодая современная женщина и женщина завтрашняго дня уже знаютъ изнурить все, что есть нѣжно прекраснаго въ стихахъ Верлена, онѣ любятъ отдаваться мечтамъ въ „Саду Инфанты“. Саманъ принадлежитъ къ самымъ оригинальнымъ и обаятельнымъ талантамъ. Это наиболее тонкій и сладостный изъ поэтовъ.

Жюль Ренаръ.

Жюль Ренаръ самъ далъ себѣ имя охотника за образами. Эпота охотникъ обладаетъ рѣдкимъ счастьемъ, среди вещей своихъ собирать онѣ одинъ приноситъ дичь еще невиданную. Онѣ пренебрегаетъ всѣмъ известнымъ или, вѣрнѣе, онѣ не знаетъ его. Добыча его состоитъ изъ экземпляровъ самыхъ рѣдкихъ, даже единственныхъ. Но онѣ не трудится записать ее на клочокъ, потому что она такъ быстро принадлежитъ ему, что воръ напрасно вздумалъ бы ее похитить...

Его картины парижской или деревенской жизни имѣли видъ самыхъ тонкихъ гравюръ. Нѣкоторые отрывки являются восторженными шедеврами искусства (искусства языка—нужно бы добавить). Такова, напримеръ, „Семья деревенскъ“.

„Перейдя полосу, выжженную солнцемъ, я встрѣтилъ ихъ“. Изъ-за шума они не живутъ у большаго дворца. Какъ одиозны птицы, они сидятъ на невообразимыхъ поляхъ, у источниковъ“.

„Изданы они клужутся непроходимыми по какъ только подходишь къ нимъ, стоишь ихъ раздвигаются. Осторожно они встрѣчаютъ меня. Я могу отдохнуть, осѣнѣются, но я догадываюсь, что они наблюдаютъ за мной, не доверяютъ мнѣ“.

„Они живутъ семей, самая старая посредница, а малыши, въ которыхъ только-что распустились первые листья, разбросаны повсюду, но всегда недалеко другъ отъ друга“.

„Умираютъ они медленно. Спокойно пожелавъ оставаться въ стовѣсь положеніи, ожидая, пока они не разсыплются въ прахъ“.

„Точно слышишь, они касаются другъ друга вѣтвями, желая убѣдиться, что все туго. Охваченныя гнѣвомъ, они жестоко ударяютъ, когда вѣтеръ выбивается изъ сна, чтобы вырвать ихъ“.

корням. Но между
он—никаких спороз.
и шуршать из соглас-
ть аккорд».

Андре Жид.

Дневник—это хоро-
шая литературная форма,
быть может самая луч-
шая для субъективных
умов. Мопассан ничего
не мог бы написать в
форме дневника. Мир
для него—вечное сучье
балларда. Он отбывает
встречи шаров, и когда
шары останавливаются,
останавливается и он.
Если перед глазами его
идет материального дви-
жения, ему ничего сказать.
Субъективист черпает
из себя самого, из за-
пасов собственных на-
копленных ощущений.
Помощью химии и безо-
нательных комбинаций,
числа которых прибав-
ляется к безоглядному,
эти ощущения давно воз-
никшие из души, перефа-
батываются до степени
идей. Тогда рассказывают
не эпизоды жизни вообще,
а эпизод собственной
души... Так поступает
Андре Жид.

Пьер Луис.

В настоящее время
наблюдается движение не-
ограниченного, натурализма,
эротизма, мистического и
материалистического; воз-
рождение так же исключи-
тельно чувственных ре-
лигий, из которых об-
готавливается женщина
вплоть до того, что есть
из сексуально-бес-
образного. При помощи
метафоры можно придать
мягкую красоту безфор-
менному и обожествить
вплоть. Романы Марселя
Баттла, молодого нескон-
ченного писателя, несмотря
на все его крупные не-
достатки, быть может,
наиболее любопытный образ-
ец эротической ре-
лигиозности, которая для
прирожденных сердец
является какой-то меч-
той, каким-то идеалом.
Но предоступим выражением этой тенденции была «Афродита»
Пьера Луиса...

С распространением искусства к нам снова вернулась
любовь к наготу. В эпоху расцвета классицизма нагота изго-
нялась из храмов, и она нашла себя в искусстве, ко-
торое одно только и сохранило ее традицию. В древней греческой
и даже в эпоху Карла Пятого ни одно празднество не обходилось
без процессии обнаженных прекрасных девушек. В то время
настоящая не была наготой, что женщины, увлеченные из
адаптации, голыми выходили по улицам. В мистериях такие роли,
как Адам и Ева, исполнялись артистами без всякого трюка—
откровенной расколки нашего времени.

Жюль Лафонт.

Это был гений, полный красок и сил, способный возво-
дить безоглядностью, прекрасные постройки, высочай-
шие сооружения и невиданные соборы. Но он забыл свою
«музу» и умереть от холода из сибирский лес.

Вот почему все его прекрасное искусство является лишь
прекрасней из ораторий, завершённой безоглядностью смерти.

Сен-Поль-Ру.

Это один из наиболее плохонных и удивительных из-
обретений поэтических образов и метафор. Чтобы найти по-
добный образ, Гюисманс прибегает к материализации духо-
вого и интеллектуального, и это придает его стилю несколько
тяжелую точность, и искусственную ясность. Так, у него по-
падают выражения: «картонная душа» или «преснувший серпант».

Это картинно, но и только. Обратный прием: изображение больше
соответствует установленным приметам людей рисовать пред-
меты символом, приемом распыляющихся ощущений и туманных по-
нятий. Жюль Ренар пользуется рискованным образом, приби-
гая к фантастическому преобразению действительных пред-
метов, к изображению деталей, оторванных от общего, к ка-
чествам самостоятельных явлений, к разным комбинациям и
углублениям. Например, «золотая пещера» по аналогии с выражением «пещера души»! Наконец, есть еще
особое значение. Сен-Поль-Ру связывает все приемы,
принимая при этом к созданию образов, всегда новых,
хотя не всегда красивых. Из его метафор можно составить
целый каталог, целый словарь: «дающее кладбище», «поглотить
восьмью», «богословствующий картон», «извощенный», «завка обра-
зов», «взгляд только закрытых глазами», «грим», «листья же-
лого салата», «акушки», «романы для носа», «романы пистолет»,
«акушерка сердца», «пистолет» и т. д.

Мариянна Эриковна Дерфельден, рожд. Пистолькорс
(дочь графини Палей).

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ СТРАНИЧКА. („Sporting News“).

Ловля форелей на озере Миннитика,
Онтарио (Сев. Америка).

Охота на эму в Австралии.

Охота на тигра в Майсуре (Индия).
Рисунок по фотографии.

Своеобразный спорт в Индии—борьба слонов,
дрессированных специально для этого.

Толк Верлина.

Ваш Верлин — чистая натура и потому не поддается переделке. Как и его жизнь, его казюльские ритмы, поэзия на жеманном и спутанном расхождении. Он окончательно раскисал романтический стих и обезоруживал его, расползал и разрывал. Желая вместе с ним слишком много, вложить всё горькое своего безумия, он незаметно для себя стал одним из адонисов стиха свободяго.

Жань Лорэн.

Уже много вконец человечество роет рыи только для того, чтобы иметь возможность через них пережить. Благодаря изобретению христианской идеи греха, эта игра приобрела возмущенный характер. Необходимо, чтобы одновременно существовали вещи запретные и вещи дозволенные — иначе первичные и главные умы остановились бы в первой серии, успокоились бы на первом покаянии в газете. Быть может именно социальная мораль, создала преступление, а мораль сексуальная — наслаждение. Какою добродетелью должен отплатиться папа среди трехсот жеманов? Миф всегда казался, что гибель Содома явилась регулятором сознательного поджога, вконец самобичевством. Человечеству мило было это созерцание неукротимого роста чувственных желаний и извращенияго саодотства.

Но вместо того, чтобы пользоваться ими в своем виде, Жань Лорэн приготавливает из них всевозможные напитки, желе, кремы и конфеты. Они приправлены из неведомых инбригов, не употреблявшихся до него шефами, таинственной позолотой, претворяющей любовные сласти из игральной и крапленой эссенции. Из этой лаборатории вышел небольшой томик, который и считаю настоящим шедевром. Я упоминаю о нем выше. Никогда еще искусство не заходило так далеко в точной пропорции сахара и приностей, розового варенья и крапленого пера. «Бон-бомерка пряник драже» отличается большею откровенностью и меньшею невинностью. Она точно вынута из кармана неестественного аббата, готового пить живое причастие из туфли своей любовницы. Это книга ада и улыбок. Это молитвенник греха, где каждый порок составляет отдаленную рубрику и имеет свой особый антропоген. Его поучения взяты из лебесского Синнаксыса.

Домк молотом полон благоуханной срой амбры. Женщины с закрытыми глазами сажают тонос аббата Бламута, аббата Олтара, тонос монаха Геншуса, священника Рене. Им не спится на своих мистах. Некоторым из них внезапно падают на колени. Другие, точно большие шифы, поныма слезы, откладываются на спинки. Пальцы их судорожно сжимаются. Самих негласно ишла и зови браслеты. Аббат де Жон восходит на кафедру. Ему внимают, нервно стиснув руки на груди, внимают с волнением, с наслаждением, потому что папа джонин Христе аббат проповедует культ Алонца. Его джонин-сасныя проповедь превращает поклонниц Христе в любовниц...

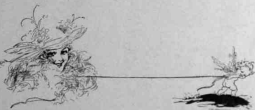
Марсель Швоба.

Индивидуальный гений Марселя Швоба заключается в простоте, отличающейся необычайной сложностью. Я хочу сказать, что при бездонности множеств деталей, расползающихся в гармоническом порядке правдиво и точно, рассказы его производят впечатление какою-нибудь одною вышуклою чертою. Иногда из целой кривизны шифов видны только шифы. Но не будь кругом других шифов, они не бросились бы в глаза...

Опыт французского болтовня. «И было, и не было», и вместе с тем как будто бы точное определение таланта Швоба, во всяком случае запомнится.

Также книги, как «Кинга масок», нельзя писать в один присест, диктунг их прямо из пустого миста, из воздуха. Каждый кусочек надо было обдумать, выносить из себя, сочинить, может быть несколько раз записать на отдаленные листочки или в записную книжку. У большинства наших писателей нет даже и записных книжек: все, как бда из дорожки ресторанов, готовится «точас перед подачей», «каждому гостю отдаленно». Но что хорошо в ресторанах, то плохо в литературе.

Эпикур.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ТИПЫ МОНТЕ-КАРЛО.

Среди этих типов не последнее место занимают русские. Одним из них — доктор Гвоздинович. Судьба этого человека действительно странна. В Монте-Карло о нем рассказывают только легенды, но уже из извращенных вид. Вот совершенно правильное изложение того, что было в действительности.

Д-р Гвоздинович был покровным врачом во время Тегжиской экспедиции. Крайней бережливостью уже снискал около 4.000 р. — это был весь его капитал. Когда на возвратном пути пошел стоить в Брисновск, никогда до тех пор не бравшего карты в руки доктор уговорил поиграть в «тринку». Быстро он проиграл весь свой капитал. Окружающие боялись, как бы доктор не кончил самоубийством. Скобелев узнавши об этом, дал ему 300 рублей из покровных сумм на выхаж в Москву. Прошло несколько лет.

Помню жестокий уроч, когда не брая карту в руки и снова снискал человеческий. Он жил в Москве и часто бывал в семье известного Самы Иванича Мамонтова, был почти своим человеком там, и однажды, когда семья С. И. собралась ехать за границу, Гвоздиновича уговорили ехать вместе.

Пошли в Нишу, стали играть в Монте-Карло. Хотя по замыслу игрового дома, Гвоздиновича вынуждены приглашали, но не играл, а затеял веруш рашетельно посидел в оловню, из столов рулетки и сша играть. За время было тысячи два франков, — в короткое время он проиграл все, осталось только четыре франка. Тогда механические доктор поставил сразу четыре шифов на один номер 19, и по странной случай-

ности вышел 19... Гвоздинович получил свою ставку в 36 раз. Почти всю эту сумму он поставил на другой номер, и еще по другим мистам стола, и опять вышел его номер. В течение часа он выиграл несколько десятков тысяч франков. Гвоздинович встал из-за стола рулетки и пошел играть туда, где игра крупнее.

Мамонтов из это время обзавел и когда еще, часа через два, наши знакомые доктор, он сказал уже с шифом веронох банкнот билетов, будучи центром общего внимания и удивления. С. И. уговорил его уехать с выигранным; потребовали сафетку, стали указывать куда выигранный, не считая, но все же вошло, и еще набил сумочку жены Самы Иванича... Когда подсчитали выигранный по приходу дома, оказалось около четырехсот с лишним франков...

На утро С. И. Мамонтов заявил Гвоздиновичу, что будет тот черт, кому нет, но он перешел уже 300.000 в Россию, а на игру оставил только 100.000. Гвоздинович взял из них 60 и снова отправился в Монте-Карло.

Все проиграл и вернулся в Нишу за деньгами... Получил еще 40.000 франков, быстро проиграл их, и снова вынес в Нишу к С. И. за деньгами...

С. И. Мамонтов дал ему еще 50.000 франков, но взял с доктора слово, что как только он, Мамонтов, приедет в Монте-Карло по времени обда, так он немедленно кончит игру и пойдет с женой обда, каков бы результат ни был в этот момент.

Когда в 7 часов Мамонтов пошел к столу Гвоздиновича, у него опять был целый ворох тысячфранковых бумажек: он снова выиграл несколько сот тысяч франков...

Игра продолжалась, и в течение двух трех недель Гвозданич выиграл в Монте-Карло около четырех миллионов франков.

Пойхав в Париж, Тутт Гвозданич разбросал сотни тысяч, но все остальное было привезено из России, из Петербурга.

Гвозданич продолжал играть, но по маленькой, в частных домах, не бывая в клубы. Один из его знакомых звал его гостем в Сельскохозяйственный Клуб, и в первый же вечер Гвозданич проиграл 36.000 руб. на мизанс. В то время, по клубным правилам, за проигрыш гостя отбывал член, который его звал, и виновника этого события уже сматыв, поздравляя с тем, что вот, может быть, Гвозданич больше не придет, и придется платить за него 36.000. Тот действительно являлся, зная Гвозданича сравнительно мало.

На завтра, в 8 часов вечера, Гвозданич приказал из клуба сшить меховую шапку. Уплатил долг и снова проиграл около 40.000 руб.

Так продолжалось и дальше. Общий его проигрыш в клубы был около 250.000 руб. Гвозданич был уже избран членом Сельскохозяйственного Клуба, но перекочевал для игры в другие клубы.

Прогрыши продолжались.

Приблизительно через год у Гвозданича не было уже ни копеек, и он снова очутился в Монте-Карло, а оттуда прислал печальное письмо одному из своих клубных знакомых с просьбой судить его лагуа, тремястами рублями, так как он голодает... Ему послали 200 руб.

С тех пор в течение нескольких лет о Гвозданиче не было ни слуху, ни духу.

Во время японской войны он вдруг снова появился в Петербурге, снова в форменном мундире военного доктора,

уплатить эти 200 рублей, но уже не играл, играть было не на что.

Потом, года через три, снова прошептал слух о Монте-Карло, на этот раз уже только слух, что Гвозданич снова выиграл около миллиона франков и затмил все проигрыш снова и застрял.

А гол казав Гвозданича опять услышать на Невском проспекте в Петрограде, но что с ним было — никто не знает...

Таковы странная приключения этого рискованного человека. Горько, что он играл удивительно спокойно. Однако же спокойно выигрывать и проигрывать сотни тысяч. На выигрыш и проигрыш Гвозданич смотрел фаталиво, как и вообще на всю свою судьбу.

В Монте-Карло ходят рассказы о немом ряде побед и поражений. В большинстве случаев все истории приписаны, в значительной степени сабрина фантазией, но в них есть всегда доля правды. Есть достоверные рассказы об очень крупных проигрышах и выигрышах — часто, по мнению проигравших — напихивая соответствующих, до пока о них невольно неслышно.

Энцикура.

АМЕРИКАНСКИЙ ЭДЕМЪ.

На самой живой оживленности полуострова Флориды, там, где джунгли низкая крона отделили Атлантический океан от озера Уорте, находится Пальм-Бич (Palm-Beach), старый американский Кань, Маша и Монте-Карло. Роскошная субтропическая растительность, теплый ровный климат, прекрасный пляж, большой комфорт колониальных гостиниц, везд «Royal Poinciana» на озере Уорте, где имеется чуть ли не 2.000 комнат, или еще «The Breakers», у самого океана, и множество разнообразных

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club

№40 Невский №40

Телефон 58-24.

ПИЖАМЫ

ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

Для предупреждения подделок прошу обратить внимание на подписи А. Энгелунда красными чернилами и марку Петроградской Косметической Лаборатории, которая является во всех аптеках.

Получить можно во всех аптеках, оптиках, косметических и парфюмерных магазинах.

Главный склад для России А. ЭНГЛУНДЪ.

Пит., Новодеревик. наб. 15.

А. Энгелунд

ПАПИРОСЫ

Т.В. АДФЕРМЪ

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМЪ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО
ПРИЗНАННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ
РЕЦЕПТ МИРА.
— ВЕРИТЕ!
— ВОЗМОЖНО ПОД-
КАЛИВАЮЩИЙ
КОЖУ, ОТЪЕД
ПЯТАК, ЗАГРЯН
ПОСЛЕДНИЙ
КАЖУЩЕГО

Ка-Казим

ИСТИННО
ИСТИННО
ИСТИННО

ИСТИННО
ИСТИННО
ИСТИННО

лений из англо-американского юга, дьявол с давних пор
Палм-Бич излюбленным зимней курортом дьяволов, и
пошли времена сеголето ходить в Кайр и в Монте-
Однако многообразие Палм-Бич никогда не отличалось,
спасениями американской охоты и дорожными жителями в этом
видах. Элеонор отдавала от него иностранцев и людей среднего
достатка и полюбилось такое событие, как Европийская война,
удорожавшая от переезда через «дугу», как называют амери-
канцы Атлантику, большинство Нью-Йоркских и окрестных мало-
веров и миллиардеров, обыкновенно уезжавших ежегодно на
отдых в Европу, для того, чтобы Палм-Бич, а
спасениями для зимы, стала местом гоголевских представителей и
представителей американского высшего общества, так, «четы-
редесятки», которые надевают гольф всей светской и фешенебельной
жизни Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии.

Я вспоминаю до войны сезон в Палм-Бич, когда по вели-
колепной и длинной авеню, обсаженной многоэтажными пальмами
и ведущей от главного фасада «Royal-Poinciana» к океану или
улицы палисадников, которыми кочевое позадывала бы Сем-
рама, скакала, спускавшаяся к морской поверхности озер
Уотс, полки гонимой на чужую или золотистую грядку безжалостно,
важно проходили и бегали из припрыжки маленькие миссы в
белых холщевых костюмчиках, в tennis-shoes, вечно жуящие
cliving-gum, и их почтительные родители, люди старого звания,
«алая с запада», как презрительно называли в Нью-Йорке
проникновения из центральных и тихо-океанских Штатов.
Тогда из воздуха стояла горячая ривь West и на еще санитских,
в нос, слышались обзоры ривь в сломачи, непринятые в
Бостонских салонах, а на пляж купальные костюмы были до
непривычки — проливали.

Русские охотники тогда не существовали и музыка на
гулянии и в гостиницах играла большую частью бразильские
марши Сузу. Встречавшиеся на дорожках автомобиля были исклю-
чительно отечественного и при том же в большинстве случаев
рыночного производства, шампанскому предшествовали Icewater и
хладные small-dances не заканчивались похитие 11 часов вечера.
Но теперь, когда Палм-Бич стал местом пребывания с
января по апрель миссис Александры Пратт, миссис Давид
Астер, Сидней Вильямс, Фредерик Эли, Иванис Гуалла, мисс
Хьюам Холмс и мастера Рюфеллера, Джамес Хайла и прочих
представителей Нью-Йоркских, 400¹, «small-dances» превратились
в настоящие балы, парижские туалеты затмили холщевые костюм-
чики, бешущие, «twi-six» Пакеры и Ройльс-Ройсы забыли в шел
изготовление автомобильных фабрик Детройта, а на пляж строи-
ли, как модае топика, хорошеющих мисс, разгуливающих из
маленьких китайских острокопачных шампановых и в сто
легких костюмках, что это уже не костюмы а одна мечта, как
мечта прожить в Палм-Бич дешевле, чем за двести долларов
в день.

Да, несомненно Палм-Бич прелестный уголок!

Г.Лобототтерс.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ.

«Негодный мальчишка» (Вильх. вын.шн. Книга
разказов» В. П. Опочинина, Пг., 1916).

«Три вещи для него были самыми драгоценными в жизни.
Это — портрет покойной матери, ее браслет, золотая цепь, с
богатыми камнями, и черная кожаная тетрадка с собствен-
ными стихами. Сред стихов оны-так самые любимые были
посвященные ей, так давно ушедшей, но всегда присутствующей. Вильх.
еще не было шести лет, когда умерла ее мать, но забыть ее
невозможно... Он помнит связку благоуханную ласку, он
сейчас может, сосредоточившись, ощутить это вняное прикос-
новение к своей шее, он его ощущает каждый вечер, когда

ложится. Так приходила она когда-то, даясь на постель мальчиш-
кого сына и крестя его на ночь. И весело засыпал шарик ее
золотой цепью на руку».

Самой дорогой нью-исх из трех драгоценностей была для
Вили эта оставшаяся ему, золотая цепь — браслет матери. Она да-
вала самым ярким воспоминаниям того детства, когда он играл
этими засыпавшими шариками, сжег мать за ее извину, бегу
руку. На соблазнах сбережения купил Вили красивый браслет
из красной кожи и каждый вечер любовался цепью и засыпал
ее, испытывая таинственное воевание, погружался вस्था су-
ществом во что-то радостное, дающее и счастливое.

Вили любилась в актрису Буздумарову, любилась
по уши, с мальчишеской восторженностью и безза-
ветностью. В его горячей голове образ актрисы
слился с образом матери. В бенефис Буздумаро-
вой Вили подносить ей самую дорогую из своих
драгоценностей, браслет покойной матери. «Да, да,
это принадлежит ей по праву. Это ее браслет»...
Чуткая женщина глубоко тронута этими простыми
подарками. Она благодарит Вили, он целует ее
руку, и шарик звенит на бездонно милой руке.
«Какое счастье, какое счастье!»

Но неожиданно признается отец.

— Дай-ка его мне, — строго сказала отец.

Вили не двинулся.

— Заложил, так и есть...

— Нет, — ответил Вили.

Потом они вдруг бросились к отцу и шарикам, как ма-
ленький мальчик, держа его руку. Он хотел ему все расска-
зать и уже начал рассказывать и жаловал имя Буздумаров.
— Довольно, — сказала отец, отстраняя Вили, — мне уже
все ясно. Браслет твоей матери, оставшийся тебе, как воспо-
минание, ты подарил какой-то актрисе. Хорошо, нечего сказать...
Но знай, что если для тебя эта вещь ничего не стоит, то мне
она все-таки дорога: я подарю ее этой женщине и расскажу ей всю
историю и, в крайнем случае, выкуплю у нее этот браслет.
Негодный мальчишка!»

И отгнать, и трогательно нарисованная
г. Опочинина «Мать». Анна Афанасьевна, остав-
шаясь молодой вдовой, почти без всяких средств,
с четырьмя девочками на руках, всхлипывала
«в люди».

— Сама устроила нью судьбу, которая каждая пораздвигает...
Ах, Катя, Катя, которая знает меня теперь не хочет! А ведь
кто ей назвал Алексей Палича? Кто ей тогда же сказала: смот-
ри, Катя, держись, — будет он большим человеком? Кто
почти заставил Алексея Палича жениться? Теперь она славная,
теперь ей не до матери, — не подарила мать, почти компроми-
тировала... Да ведь и не нужно, — был бы лишь составлен! А
Лиза? Кто Лизу окончательно устроил? Небось, по загранич-
ным развлекатель, обезпечена, ассласла... А кто ей ее собствен-
ное состояние выхлопотал? Кто этого купцу прокатного женил
и отрезл миссис его за дверь выставлял, и заставлял обезпечить
жену, и каждый грош у него выторговывал? Лиза даже не
поинтерну, — составь мне забыла... Да Бог с ней! Пусть
только денег всхлип не распространит и головной не останется...

Старая хитрица выросла ловкой, красивых
молодых хитрица и счастлива: больше ничего ей не
нужно.

Эти два разказа, с их вдумчивым психоло-
гизмом и умной иронией, лучше в сборник.

№ 119000 и 1200000, 1200000, 1200000, 1200000

Редактор-издатель Ва. Крымов.

НЕВРАСТЕНИЯ

и нервные заболевания, безсилье, невральгия, спинальная сухотка, параличи, сер-
дечные заболевания, старческая сухотка, истощение и худосочие с успехом
лечат Спермином-Пеля, о чем свидетельствуют имбуионы в литературе
многолетних наблюдения извещивших врачей всего мира.

Спермин-Пеля единственный настоящий, всесторонне испытанный Спермин,
потому следует обращать внимание на название «СПЕРМИН-ПЕЛЯ» и отказы-
ваться от подделок, жидкостей и вытжек из железа, как нигде негодных
подражаний, ни по составу, ни по действию ничего общего со Спермином-Пеля не
имеющих и часто содержащих вредные для здоровья вещества.

Желательно выделить безоговорочно книга «Пальцебное действие спермина», интересующие же
всей организацией, высылается за четыре 7-копеечных марки, только что вышедшая книга «Пальце-
ные силы организма».

Спермин-Пеля вытжек всюду.

Профессор Д-р Пель С. П. Г.

Поставщик Двора Его Императорского Величества